Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 144–150.
Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 144–150.

Научная статья
УДК 327
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/144-150

Внешнеполитическая стратегия Турции в Центральной Азии

Арсен Майрамбекович Усенов
Кыргызско-Российский Славянский университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Бишкек, Кыргызстан, a.m.usenov@krsu.kg

Аннотация. Рассмтриваются особенности внешнеполитической стратегии Турции в отношении государств Центральной Азии. Обращено внимание на концепцию неоосманизма, которая занимает ключевое место в обосновании внешней политики и геополитики Турции, в частности, на такие её составные части, как пантюркизм и панисламизм. Особое внимание уделено современному этапу внешнеполитической стратегии Турции в Центральной Азии при Р. Т. Эрдогане. Показано, что, несмотря на сильные позиции в культурно-гуманитарной сфере в Центральной Азии, финансовые, экономические и военные возможности Турции недостаточны для конкуренции с глобальными акторами.
Ключевые слова: *Центральная Азия, Турция, геополитическая конкуренция, неоосманизм, пантюркизм, панисламизм, внешняя политика*
Для цитирования: Усенов А. М. Внешнеполитическая стратегия Турции в Центральной Азии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 144–150.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/144-150

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/144-150

Turkey's Foreign Policy Strategy in Central Asia

Arsen M. Usenov
Kyrgyz-Russian Slavic University named after the first President of the Russian Federation,
Bishkek, Kyrgyzstan, a.m.usenov@krsu.kg

Abstract. The article considers the peculiarity of Turkey's foreign policy strategy towards the Central Asian states. Attention is drawn to the concept of neo-Ottomanism, which occupies a key place in the justification of Turkey's foreign policy and geopolitics, in particular, to such components as pan-Turkism and pan-Islamism. Particular attention is paid to the current stage of Turkey's foreign policy strategy in Central Asia under R. T. Erdogan. It is shown that despite its strong positions in the cultural and humanitarian sphere in Central Asia, Turkey's financial, economic and military capabilities are insufficient to compete with global actors.
Keywords: *Central Asia, Turkey, geopolitical competition, neo-Ottomanism, pan-Turkism, pan-Islamism, foreign policy*
For citation: Usenov A. M. Turkey's Foreign Policy Strategy in Central Asia // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 144–150. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/144-150

Введение

Одним из ключевых направлений внешнеполитической стратегии Турции на сегодняшний день является Центральная Азия, которая попала в поле интересов Анкары ещё до официальной даты распада СССР. Турция в числе первых признала независимость республик Центральной Азии и за более чем тридцать лет сотрудничества смогла войти в число приоритетных партнёров большинства стран региона, переименование Тюркского совета в Организацию тюркских государств в 2021 г. ознаменовало начало нового институционального подхода Турции в сторону углубления и расширения интеграции со странами – действующими участниками организации и не только. В целях обоснования своего присутствия в Центральной Азии Турция изначально опирается на концепцию неоосманизма с выраженным акцентом на культурную и историческую общность тюркских народов (пантюркизм) в сочетании с панисламизмом.

Турция выступает одним из геополитических акторов региональной направленности в регионе и конкурирует с такими глобальными акторами, как Россия и Китай. Однако внешняя политика Анкары в Центральной Азии характеризуется периодическим ослаблением и активизацией подходов в зависимости от ситуации внутри страны и за её пределами. В отличие от Москвы и Пекина, Турция нередко прибегает к откровенно прямолинейным попыткам навязывания собственных интересов, будь то вопросы интеграции или же углубления культурно-гуманитарного сотрудничества. Так, стратеги-

© Усенов А. М., 2026

ческой целью первого этапа сотрудничества изначально было максимальное вовлечение Центральной Азии в поле влияния Турции, что было бы возможно при трансформации новых независимых государств согласно турецкой модели развития и, более того интеграции стран региона с Турцией. Однако эти инициативы на заре становления независимости государств региона были восприняты однозначно отрицательно, в связи с чем Турция долгое время придерживалась стратегии "мягкого" институционального вовлечения. Кардинальные изменения во внешней политике Турции в Центральной Азии связаны с деятельностью действующего президента Р. Т. Эрдогана, который, исходя из укрепления собственной власти в стране, изменил и стратегию в Центральной Азии на прагматичную с сочетанием "мягких" и "жёстких" способов воздействия.

Цель данной статьи – выявить ключевые особенности, сильные и слабые стороны стратегии Турции и определить соотношение проекта ОТГ с евразийскими проектами проектами по экономике и безопасности.

Теоретико-методологическая база исследования опирается на системный подход, учитывая всю сложность, взаимозависимость и взаимовлияние процессов в международных отношениях. Для рассмотрения эволюции внешней политики Турции в Центральной Азии и классификации этапов применен сравнительно-исторический метод.

Концепция неоосманизма в стратегии регионального и трансрегионального лидерства Турции

Концептуальную основу внешней политики современной Турции составляет неоосманизм, который предполагает возвращение былого величия государства времён Османской империи с учётом современных реалий, что говорит о необходимости включения в ареал влияния Турции не только бывших территорий Османской империи, но и новых регионов. Таким образом, претензии на лидерство Турции выходят далеко за границы окружающего региона, характеризуя их трансрегиональность.

Основу неоосманизма составляют четыре принципа: крови, османского мышления, почвы и языка. Принцип крови означает ориентацию, прежде всего, на тюркские народы. Принцип почвы связывает концепцию с османским прошлым, которое пропагандируют новые лидеры Турции. Обозначенные принципы, в свою очередь, являются идеологической базой для формирования нового османского мышления – надтурецкой идентичности за счёт применения средств экономического и культурно-гуманитарного воздействия, что должно привести (как считает турецкое руководство) к трансформации Турции в надрегионального лидера **[5, с. 33]**.

В концепцию неоосманизма эксплицитно включаются такие интегративные идеи, как пантюркизм и панисламизм. Пантюркизм предполагает включение в ареал влияния Турции тюркскх нароов и государств. По логике пантюркизма, наряду с тюркоязычными странами Центральной Азии в зону потенциального влияния Анкары подпадают и тюркоязычные территории Российской Федерации, Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) Китая и другие субъекты государств, населённые "тюрками". Панисламизм же ставит своей целью использование ислама как фактора сближения с мусульманскими странами и возвращение Турции роли центра мусульманской цивилизации, сопоставимой с ролью Османской империи. Принципы стратегии Турции в интерпретации одного из идеологов внешней политики Турции и бывшего премьер-министра Ахмета Давутоглу выглядят следующим образом: "неоосманизм + пантюркизм + ислам = Великая Турция" **[4]**.

В 2023 г. Р. Эрдоган в честь столетия Турецкой Республики объявил о начале "Века Турции". Глава государства обозначил, что "современная Турция является страной, которая помогает угнетенным не только в своем родном регионе, но и во всем мире, как и желал того основатель республики Гази Мустафа Кемаль Ататюрк". Внешнеполитическое ведомство Турции заявило о направлении внешней политики в "Век Турции" на "укрепление регионального мира и безопасности, расширение институционализации внешних отношений, активизацию экономического развития и процветания и на воздействие на преобразование глобальной системы". Таким образом, Анкара обозначила свою миротворческую, созидательную роль в регионах мира.

Новая "тюркская" стратегия Турции

Началом новой стратегии Турции в регионе следует считать период избрания Реджепа Тайипа Эрдогана президентом республики в 2014 г. с последующим расширением полномочий. На данном этапе происходит усиление пантюркизма и панисламизма в турецкой стратегии, расширение геоэкономических и интеграционных проектов Турции в регионе, что обрело более конкретные очертания с 2016 г. после неудавшейся попытки государственного переворота в Турции, которая стала катализатором изменения внутриполитического и внешнеполитического курса республики.

Эрдоган продолжил заложенные до него идейные принципы неоосманизма и пантюркизма, в то же время возродил исламскую концепцию, что подразумевало возрождение былой соборности народа Турции докемалистского периода, как и претензию на сплочение других мусульманских государств под эгидой Анкары. Символичным показателем акцентуализации панисламистского вектора является и преобразование музея Айя-София в мечеть в 2020 г. **[3]**.

На фоне имевшегося политического кризиса в Турции в 2016 г. и уголовного преследования организаций и лиц, которых Анкара воспринимает как сторонников оппозиционера Ф. Гюлена, Турция особо акцентирует внимание своих партнёров на необходимости совместной борьбы с "гюленистами", в том числе путём артикуляции данной повестки в странах Центральной Азии.

В свою очередь, смена правящего режима в Узбекистане с последующим изменением внешнеполитической парадигмы Ташкента в сторону нормализации отношений с внешним миром привела к желаемой для Турции активизации турецко-узбекских отношений, которые с середины 2000-х гг. находились в атмосфере взаимного недоверия. Это позволило Анкаре восстановить свой имидж в республике путём введения ускоренных механизмов экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества. Так, в 2017 г. состоялся первый за 20 лет государственный визит президента Узбекистана в Турцию, в ходе которого было подписано более 20 документов в сфере экономики, образования, культуры, здравоохранения, банкинга и военной промышленности **[9]**.

Благодаря восстановлению отношений с Узбекистаном, Турции удалось интенсифицировать региональную повестку сотрудничества с Центральной Азией. 15 октября 2019 г. на очередном саммите Совета сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ) в Баку Узбекистан официально вступил в состав Совета. Таким образом, в данную организацию вошли уже 3 из 4 тюркоязычных государств региона. А 12 ноября 2021 г. на саммите Совета сотрудничества тюркоязычных государств в городе Стамбул Тюркский Совет был переименован в Организацию тюркских государств (ОТГ), а Туркменистан вступил в ОТГ в качестве наблюдателя **[8]**.

По итогам саммита ССТГ в Стамбуле в ноябре 2021 г. между членами совета был подписан стратегический документ "Видение тюркского мира – 2040". Он представляет собой дорожную карту по углублению сотрудничества между тюркоязычными государствами на ближайшие два десятилетия в приоритетных сферах, в частности в сфере безопасности, транспорта и таможни, информационно-коммуникационных технологий, энергетики, туризма, здравоохранения, окружающей среды, сельского хозяйства, культуры, образования и науки, молодёжи и спорта, работы с диаспорами и т. д. **[6]**. Это говорит о том, что в перспективе Турция ставит стратегическую задачу по полномасштабному вовлечению государств Центральной Азии в свою сферу внимания. На сегодняшний день стоит вопрос о включении Туркменистана в ОТГ в качестве полноценного участника организации, что продвигается с трудом, учитывая желание Туркменистана сохранять свой нейтралитет и негласное несогласие с доминированием Турции в реализации сотрудничества.

По итогам саммита ОТГ в Бишкеке в 2024 г. была принята хартия Тюркского мира – документ, направленный на развитие сотрудничества между тюркскими государствами, подготовленный на основе ранее принятых решений и документов (Нахичеванские соглашения, "Видение Тюркского мира – 2040"). На сайте Центра стратегических исследований тюркского мира Кыргызско-Турецкого университета "Манас" отмечается, что этот документ является важным шагом для сотрудничества между тюркскими народами во имя

будущего развития общего культурного наследия, общего алфавита и общего тюркского языка.

Современная внешнеполитическая стратегия Турции в Центральной Азии формируется на основе прагматичного курса с чередованием "мягких" и "жёстких" подходов. Так, в целях прикрытия деятельности, аффилированных с Гюленом образовательных учреждений, Турция прибегала к средствам дипломатического давления, требуя их закрытия и передачи гюленистов Турции. Взамен Турция начала реализацию в странах Центральной Азии новых образовательных проектов, таких как "Маариф". В результате все учреждения, которые связывают с Гюленом, стали закрываться в Центральной Азии, кроме Кыргызстана, который обозначил особую позицию, обосновав своё суверенное право на самостоятельное определение угроз в стране. Несмотря на это, в 2021 г. турецкими спецслужбами из Кыргызстана был похищен основатель лицеев "Сапат" (бывший "Себат") Орхан Инанды, о чём спустя месяц после его исчезновения заявил лично Р. Эрдоган **[10]**. В начале 2025 г. Кыргызстан передал сеть школ "Сапат" турецкому фонду "Маариф".

Учитывая применение Анкарой в Центральной Азии средств как "мягкого" воздействия (например, прямой и публичной дипломатии, экономического сотрудничества), так и средств "жёсткого" характера (дипломатического давления, проведение операций спецслужб в иностранном государстве), мы можем констатировать переход Турции от стратегии "мягкой" силы (*Soft Power*) к "умной" силе (*Smart Power*).

Инструменты реализации внешнеполитической стратегии Турции в странах Центральной Азии весьма разнообразны и включают в себя как соответствующие механизмы расширения экономического влияния (торговля и инвестиции), так и культурно-гуманитарное и военно-техническое сотрудничество. Между тем, эксперты отмечают, что причиной успешности современной внешней политики Турции являются не объективные показатели сфер сотрудничества, а прежде всего популизм турецкого лидера Р. Эрдогана. Тем не менее, по мнению С. Притчина, этот инструмент внешней политики Анкары является ограниченным по времени, поскольку "после его ухода с политической арены Турции будет сложно найти достойную замену харизматичному и амбициозному действующему лидеру страны" **[7, с. 58]**.

Однако, экспрессивный и жёсткий характер турецкого лидера не всегда может приносить пользу процессам "тюркской интеграции". Так, например, односторонняя и несогласованная инициатива и заявление лидера Турции о принятии непризнанной странами Центральной Азии Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК) наблюдателем в ОТГ во время саммита в Самарканде в 2022 г. вызвали ожидаемую реакцию протеста внешнеполитических ведомств Казахстана и Узбекистана. С другой стороны, подобные шаги могут стать катализатором окончательного отхода Туркменистана от рассмотрения полноправного вступления в ОТГ, который до сих пор занимает позицию наблюдателя вопреки ожиданиям Турции.

Уже к середине 1990-х гг. Турция заняла передовые места в объёме внешних инвестиций в ряде государств региона. Но период доминирования Турции в инвестиционных проектах заканчивается в 2000-х гг., когда в регионе активизируются инвестиции из России, Китая и стран Запада. То же самое касается и торговых отношений.

Помимо экономической сферы Турция придаёт большое значение культурно-гуманитарному сотрудничеству со странами Центральной Азии, которое реализуется в рамках специальных организаций, например, в рамках ТЮРКСОЙ. С 1992 г. Турция вошла в сектор образования в центральноазиатских государствах и оказала значительное влияние на процессы латинизации письменности в Узбекистане и Казахстане **[2]**. К тому же, путём публичной дипломатии, распространения по турецким информационным ресурсам в Центральной Азии идей общетюркской идентичности, Турция способствует массовой популяризации турецкого языка и культуры в регионе. Так, в Казахстане турецкий язык стал вторым по популярности языком для изучения после английского **[1]**. В Казахстане с 2010 г. функционирует Культурный центр "Институт Юнуса Эмре", где обучают турецкому языку. Также по стране имеются многочисленные центры по изучению турецкого языка.

В Кыргызстане центры турецкого языка и культуры функционируют в Кыргызско-Турецком университете "Манас", Кыргызско-Российском Славянском университете, Бишкекском государственном университете. При посольстве Турции работает центр изучения турецкого языка TÖMER, который способствует не только изучению языка, но и выезду студентов из Кыргызстана в Турцию в целях обучения.

Кроме этого, Турция нацелена на внедрение протурецких учебников в школах региона. Так, в июне 2022 г. на заседании Международной тюркской академии с участием министров образования и науки тюркских государств в штаб-квартире Академии в Нур-Султане были утверждены тексты учебников по общей тюркской истории, литературе и географии тюркского мира, а также соответствующие учебные программы. Данные книги предложены для изучения в средних школах тюркских государств.

Весьма активно участие Турции в спонсировании и поддержке в проведении Всемирных игр кочевников (ВИК), которые проводятся раз в два года. В последние годы особое место в организации игр занимает Билал Эрдоган – президент Всемирной конфедерации этноспорта, сын Р. Эрдогана.

Укрепляется воздействие Турции и через религиозный фактор. К примеру, в Кыргызстане имеются протурецкие общественные, благотворительные фонды с религиозным уклоном. Также свою работу в регионе ведёт турецкая организация "Türkiye Diyanet Vakfı", специализирующаяся на религиозной благотворительности, в том числе строительстве объектов религиозного культа. На средства этого фонда в Бишкеке была возведена в 2018 г. центральная мечеть города. Средства на строительство крупнейшей мечети в Центральной Азии в Астане выделила в 2020 г. одна из турецких компаний.

Менее удачными, по сравнению с культурно-гуманитарным и экономическим направлением внешней политики Турции в регионе, являются попытки Анкары вовлечь страны в качестве союзников в своих военных кампаниях. Здесь все партнёры по Центральной Азии проявляют осторожность, предпочитая придерживаться своих национальных интересов. К примеру, во время вооружённого конфликта в Нагорном Карабахе в 2020 г. республики Центральной Азии заняли нейтральную позицию, выразив приверженность мирному урегулированию конфликта, хотя незадолго до известных событий Эрдоган призывал членов СТГ поддержать Баку в Карабахском кризисе. Тем не менее, после карабахской кампании 2020 г., где Азербайджан одержал победу благодаря использованию турецких беспилотников Bayraktar TB2, интерес к военно-техническому сотрудничеству с Турцией в регионе стал нарастать. Начиная с 2021 г. Узбекистан, Казахстан, Таджикистан и Кыргызстан подписали с Турцией рамочные соглашения о сотрудничестве в военной сфере. В последние годы Кыргызстан закупил у Турции серию беспилотников Bayraktar в рамках программы по модернизации вооружённых сил республики.

После январских событий в Казахстане, когда республика была вынуждена обратиться за помощью к ОДКБ, Турция собрала саммит ОТГ, на котором министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу предложил членам организации создать институциональный механизм реагирования на вызовы безопасности и стабильности, что было воспринято как предложение по созданию военно-политического блока. Однако ни одна из постсоветских стран, входящих в состав ОТГ, не поддержала инициативу Турции. К тому же формированию военного альянса тюркских стран препятствует вхождение Казахстана и Кыргызстана в ОДКБ, который выступает в качестве важного фактора безопасности, что было продемонстрировано в разрешении январских событий в Казахстане. Сама Турция входит в западный военно-политический блок НАТО, что однозначно противоречит приоритетам Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана, не говоря о Туркменистане.

Заключение

Результаты проведённого исследования позволяют сделать следующие выводы. Ключевыми особенностями внешнеполитической стратегии Турции в Центральной Азии являются стремление Анкары в максимальной степени вовлечь тюркоязычные страны Центральной Азии в ареал своего влияния. Для этих целей используется концепция неоосманизма с акцентом на применение идей пантюркизма и панисламизма при центральной роли Тур-

ции. Наиболее сильная сторона внешней политики Анкары – культурно-гуманитарная составляющая, основанная на общности языка. Вместе с тем, сильны перспективы Турции в части военно-технического сотрудничества с Центральной Азией в части поставок прежде всего беспилотных летательных аппаратов оборонительного назначения.

С 2014 г., с избранием Эрдогана президентом Турции и одновременным усилением полномочий главы государства, характер имплементации внешней политики Турции в регионе стал более прагматичным, трансформировавшись от применения традиционной "мягкой силы" по отношению к своим партнёрам в регионе к "умной силе", что выражается в участившемся обращении Анкары к инструментам дипломатического давления, проведении операций спецслужб и иногда в пренебрежении позицией партнёров в вопросе формирования общей повестки саммитов.

Инвестиции Турции в экономику этих стран в последние годы демонстрируют положительную динамику. Однако Анкара, в силу ограниченности финансовых возможностей, не способна претендовать на роль ведущего стратегического партнёра, тем самым конкурируя с такими державами, как Россия и Китай. Тем не менее, понимание того, что Турция является альтернативным дополнением к ближайшим в географическом отношении партнёрам центральноазиатских государств, всё более кристаллизируется внутри региона. Активное участие центральноазиатских стран в Организации тюркских государств является ещё одним свидетельством этому. В ближайшие годы в рамках Организации Турция будет продвигать широкий спектр общих идей, начиная от вопросов транспортно-логистической привязки Турции, Каспия и Центральной Азии, вплоть до предложения экономической и политической интеграции. Однако возможность поддержки амбициозных замыслов Турции со стороны государств Центральной Азии маловероятна, учитывая сохраняющееся и пристальное внимание к вопросам сохранения суверенитета и реализации национальных интересов в условиях многовекторной внешней политики. К тому же в последние годы в центральноазиатском регионе доминирует тенденция налаживания долгосрочного и углублённого сотрудничества внутри самого региона, что подразумевает и выработку согласованных шагов по сотрудничеству с общими партнёрами региона. Тем не менее, возможности стать полноценной альтернативой евразийским архитектурам экономики и безопасности у Турции нет, что связано с географической отдалённостью региона, языковым барьером (несмотря даже на близость языков), слабыми финансовыми возможностями Анкары, вхождением Турции в военный альянс НАТО и в целом необходимостью разрешения внутриполитических конфликтов в самой Турецкой Республике.

Литература / References

1. В Казахстане растёт интерес к турецкому языку. URL: https://www.aa.com.tr/ru/2251642 (дата обращения: 18.12.2024).
   Interest in Turkish language is growing in Kazakhstan. URL: https://www.aa.com.tr/ru/2251642 (accessed 18.12.2024). (In Russ.)
2. Димитриади М. Прощай, кириллица: как Турция переписала алфавит в Средней Азии. URL: https://rtvi.com/stories/proshchay-kirillitsa-kak-turtsiya-perepisala-alfavit-v-sredney-azii/ (дата обращения: 20.12.2024).
   Dimitriadi M. Goodbye, Cyrillic: How Turkey rewrote the alphabet in Central Asia. URL: https://rtvi.com/stories/proshchay-kirillitsa-kak-turtsiya-perepisala-alfavit-v-sredney-azii/ (accessed 20.12.2024). (In Russ.)
3. Ёлкин С. Собор Святой Софии: как Эрдоган музей в мечеть превращал. URL: https://www.dw.com/ru/54308508 (дата обращения: 17.12.2024).
   Yelkin S. Hagia Sophia: how Erdogan turned a museum into a mosque. URL: https://www.dw.com/ru/54308508 (accessed 17.12.2024). (In Russ.)
4. Искендеров П. Турция рвётся в региональные лидеры (III). URL: https://www.fondsk.ru/news/2014/02/02/turcija-rvetsja-v-regionalnye-lidery-iii-25545.html?print (дата обращения: 13.12.2024).
   Iskenderov P. Turkey is striving to become a regional leader (III). URL: https://www.fondsk.ru/news/2014/02/02/turcija-rvetsja-v-regionalnye-lidery-iii-25545.html?print (accessed 13.12.2024). (In Russ.)

5. Мехдиев Э. Т. "Неоосманизм" в региональной политике Турции. *Вестник МГИМО*. 2016. № 2 (47). С. 32–38.
Mekhdiev E. "Neo-Ottomanism" in Turkey›s regional policy. *MGIMO Bulletin*. 2016. № 2 (47). P. 32–38. (In Russ.)
6. По итогам Саммита СТГ в г. Стамбул подписано решение о принятии "Видения тюркского мира – 2040". URL: https://mfa.gov.kg/ru/osnovnoe-menyu/press-sluzhba/novosti/po-itogam-sammita-sstg-v-g-stambul-podpisano-reshenie-o-prinyatii-videniya-tyurkskogo-mira--2040-618f48d2f1082 (дата обращения: 21.12.2024).
Following the CCTS Summit in Istanbul, a decision was signed to adopt the "Turkic World Vision 2040". URL: https://mfa.gov.kg/ru/osnovnoe-menyu/press-sluzhba/novosti/po-itogam-sammita-sstg-v-g-stambul-podpisano-reshenie-o-prinyatii-videniya-tyurkskogo-mira--2040-618f48d2f1082 (accessed 21.12.2024). (In Russ.)
7. Притчин С. А. Турецкая стратегия в отношении Центральной Азии на современном этапе: сильные стороны и ограничители. *Ойкумена. Регионоведческие исследования.* 2024. № 2. С. 52–62.
Pritchin S. Turkey's strategy towards Central Asia at the current stage: strengths and limitations. *Ojkumena. Regional Researches*. 2024. № 2. P. 52–62. (In Russ.)
8. Совет сотрудничества тюркоязычных государств переименован в Организацию тюркских государств. URL: https://rus.azattyk.org/a/31559425.html (дата обращения: 20.12.2024).
The Cooperation Council of Turkic Speaking States has been renamed to the Organization of Turkic States. URL: https://rus.azattyk.org/a/31559425.html (accessed 20.12.2024). (In Russ.)
9. Узбекистан – Турция: новый этап сотрудничества. URL: https://president.uz/ru/lists/view/1175 (дата обращения: 20.12.2024).
Uzbekistan – Turkey: a new stage of cooperation. URL: https://president.uz/ru/lists/view/1175 (accessed 20.12.2024). (In Russ.)
10. Эрдоган: Турецкие спецслужбы задержали Орхана Инанды. URL: https://www.kp.kg/daily/28299/4439881/ (дата обращения: 20.12.2024).
Erdogan: Turkish secret services detained Orhan Inanda. URL: https://www.kp.kg/daily/28299/4439881/ (accessed 20.12.2024). (In Russ.)

◆

Информация об авторе

Арсен Майрамбекович Усенов, старший научный сотрудник Института стратегического анализа и прогноза Кыргызско-Российского Славянского университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызстан, e-mail: a.m.usenov@krsu.kg

Information about the author

Arsen M. Usenov, Senior Researcher, Institute for Strategic Analysis and Prognosis, Kyrgyz-Russian Slavic University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan, e-mail: a.m.usenov@krsu.kg

Поступила в редакцию 23.01.2025 Одобрена после рецензирования 13.05.2026 Принята к публикации 25.08.2026

Received 23.01.2025 Approved 13.05.2026 Accepted 25.08.2026